

УДК 316

Г.Н. Шахназарян

**СТРАТЕГИИ СОХРАНЕНИЯ
И РАЗВИТИЯ
ИДЕНТИЧНОСТИ
В УСЛОВИЯХ СОЦИАЛЬНОЙ
НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ**

В статье рассматривается проблема сохранения статуса кво социальной идентичности и анализируются адаптивные механизмы, активизирующиеся в ситуациях угрозы личной или коллективной самооценке. Стратегии поддержания/развития позитивной социальной идентичности, рассмотренные с позиций теории социальной идентичности, позволяют понять механизм функционирования «когнитивных альтернатив».

Ключевые слова: *теория социальной идентичности, теория самокатегоризации, социальная сконструированность идентичности, стратегии сохранения статуса кво социальной идентичности, социальный статус группы, коллективная самооценка, стратегии развития позитивной социальной идентичности, когнитивные альтернативы.*

G.N. Shahnazarian

**THE STRATEGIES
OF MAINTAINING AND
DEVELOPING OF IDENTITY
IN THE SITUATION OF SOCIAL
UNCERTAINTY**

The problem of maintaining the status quo of social identity is described in the article, and the adaptive mechanisms that are activated in the situation of threat to one's personal and social self-esteem are analyzed. The strategies of maintaining and developing positive social identity, that are described from the positions of a theory of social identity, allow to understand the mechanism of functioning of «cognitive alternatives».

Key words: *theory of social identity, theory of self-categorization, social construction of identity, strategies of maintaining a status quo of social identity, social status of a group, collective self-esteem, strategies of developing a positive social identity, cognitive alternatives.*

Шахназарян Гоар Нельсовна

Кандидат социологических наук, доцент кафедры прикладной социологии факультета социологии Ереванского государственного университета (г. Ереван, Армения)
E-mail: goarshahnazaryan@gmail.com

Shahnazaryan Goar N.

Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor of Department of Applied Sociology of Yerevan State University (Erevan, Armenia)
E-mail: goarshahnazaryan@yahoo.com

© Шахназарян Г.Н., 2014

© Shahnazaryan G.N., 2014

Вопрос о социальной сконструированности идентичности активно обсуждается в социальных науках с 60-х гг. прошлого столетия, однако, социально-психологические аспекты социальной идентичности, в частности адаптивные механизмы, присущие последней и роль социальных репрезентаций в процессе ее формирования, недостаточно представлены и проанализированы в современных социальных теориях. В тоже время новый взгляд на эти вопросы, особенно на данном этапе развития армянского общества может помочь в объяснении социально-политической апатии подавляющего большинства, применении, казалось бы алогичных и иррациональных стратегий выживания, а также в понимании процессов адаптивности и конформности различных социальных групп, включая как наиболее уязвимых, так и тех, на ком лежит моральная ответственность критического осмысления происходящего и озвучивания голоса наиболее маргинальных слоев, а именно интеллигенции.

Наиболее близко к вопросу изучения социальной сконструированности идентичности и ее адаптивных механизмов подошла теория социальной идентичности и ее дериват теория самокатегоризации. Теория социальной идентичности берет начало с 60-х гг. прошлого столетия и обязана своим возникновением экспериментам социальных психологов Таджфела и Тернера, которых интересовали проблемы взаимосвязи социальных категоризаций, этноцентризма, межгрупповых взаимоотношений и социальной идентичности. Позднее уже в 80-х гг. Тернер переформулировал теорию социальной идентичности в теорию самокатегоризации, которая по сути является дериватом первой и фокусируется исключительно на когнитивных аспектах в конструировании социальной идентичности. Теория социальной идентичности, фактически, рассматривает процесс концептуализации Я в межгрупповом контексте и то, как система социальной категоризации формирует и определяет место индивида в обществе (Тернер, 1991). С позиций теории социальной идентичности последняя определяется как «знание индивида о принадлежности к определенной социальной группе наряду с соответствующим эмоциональным и ценностным значением, предоставляемым данной принадлежностью» (Таджфел, 1972). Данное определение включает в себя три основных элемента: когнитивный компонент – знание о принадлежности к определенной социальной

группе, оценочный компонент – позитивное или негативное отношение к группе и эмоциональный – чувство эмоциональной вовлеченности.

Изучение социальной идентичности в современном мире приобретает особую актуальность в условиях постоянных социальных изменений, а рассмотрение взаимосвязи между социальной идентичностью, коллективными действиями и социальными изменениями может помочь в понимании таких явлений как формирование социальных движений, коллективного самосознания, этнической идентичности.

Анализ социальной идентичности с этих позиций может также предоставить ответы на такие вопросы как: «когда именно группа начинает процесс негативной само-категоризации?, «при каких условиях негативно маркированная группа будет оставаться пассивной и апатичной, а при каких условиях перейдет к активным коллективным действиям?», «когда члены группы будут применять индивидуальные стратегии поддержания/формирования собственной позитивной Я-концепции, а когда будут более озабочены формированием позитивной Я-концепции своей группы и, соответственно, перейдут от индивидуальных действий к коллективным?».

Исходя из социальной диспозиции группы и восприятия своего места в системе социальной стратификации, мотивация и соответственно стратегии различных групп в поддержании/развитии своей социальной идентичности будут значительно варьироваться. Данные стратегии можно разделить на две большие группы: 1. Стратегия сохранения статуса-кво своей социальной идентичности. 2. Стратегия в поддержании/развитии позитивной социальной идентичности. На мой взгляд, применение данных стратегий является манифестацией процессов, происходящих на макро-уровне и отражает социально-психологическое состояние данного общества в целом.

Перечисленные стратегии одинаково верны как для анализа личностной идентичности, так и социальной, однако мой анализ будет касаться исключительно стратегий, применяемых для поддержания/развития социальной идентичности, т.е. того аспекта, который неизбежно вовлекает и группу/ы, к которым индивид принадлежит, делая тем самым данные стратегии скорее коллективными, чем индивидуальными механизмами.

Несколько обобщая можно сказать, что в ситуации угрозы личной или коллективной самооценке или даже просто в восприятии и интерпретации внешних стимулов как угрожающих, будет возрастать потребность в уменьшении неопределенности и сохранении статуса-кво социальной идентичности, и наоборот, при более благоприятных для группы обстоятельствах будет возрастать потребность в развитии позитивной Я-концепции и самоактуализации.

В данной статье делается попытка рассмотреть содержание и последствия применения вышеперечисленных стратегий как для самой группы, ее применяющей, так и для общества в целом.

***Стратегия сохранения статуса-кво
своей социальной идентичности***

Поскольку сама по себе неопределенность ассоциируется с утратой контроля над собой и своей жизнью, она мотивирует людей находить выходы из сложившейся ситуации через идентификацию с группой. Многие социальные психологи, занимающиеся изучением коллективной самооценки, внутригруппового фаворитизма и социальными когнициями, считают, что потребность в уменьшении неопределенности и потребность в чувстве стабильности и сохранении статуса-кво как личной, так и социальной идентичностей являются даже более доминирующими факторами идентификации с группой и проявления элементов группового фаворитизма, чем потребность в позитивной персональной и коллективной самооценках (Крокер, 1993; Джост, 1995). Более того, по мнению многих исследователей данной проблематики «погоня» за позитивной социальной идентичностью и повышением самооценки проявляется исключительно после обеспечения некоторого уровня определенности своей Я-концепции/

Данные подобных исследований полностью согласуются с универсальными принципами иерархии общечеловеческих потребностей, согласно которым потребность в уважении, обеспечении определенного статуса и повышении своей самооценки следует только лишь после обеспечения потребности в безопасности. Суммируя, можно сказать, что поскольку потребность в принадлежности и безопасности является более важной для выживания индивида, чем потребность в позитивной самооценке, то люди будут более нацелены на проявление внутригруппового фаворитизма, а, следовательно, на формирование/сохранение сильной социальной идентичности, когда их личная идентичность находится в состоянии нестабильности и неопределенности, чем, когда ими движет потребность в формировании/сохранении позитивной социальной идентичности.

Потребность в уменьшении неопределенности как мотив присоединения к группе был затронут еще в работах Барта (1932), Фестингера (1950), Московичи (1976). По мнению Фестингера, уменьшение неопределенности является основным фактором, влияющим на процесс социального сравнения. Сам процесс социального сравнения обусловлен так называемой «гипотезой сходства», что означает, что из множества вариантов для сравнения, индивид/группа выбирают соответственно того человека или группу, которые наиболее близки к нему по своим характеристикам и что сравнение себя с другим будет уменьшаться пропорционально возрастанию различий между нашим мнением и мнением этого другого (Локе, 2005). То есть, социальное сравнение своих убеждений, ценностей, эмоций и поведения с когнициями и поведением себе подобных будет уменьшать неопределенность и повышать чувство стабильности и предсказуемости (Хог, Малин, 1999). Согласно Фестингеру, сравнение с себе подоб-

ными максимально информативно, поскольку предоставляет более точную и стабильную информацию, чем сравнение с человеком/группой, значительно отличающейся по своим характеристикам. Вопрос о том, какой тип сравнения является более эффективным для поднятия самооценки, до сих пор остается открытым. Некоторые исследователи, например Уиллер (1996) обнаружил, что стремление стать лучше мотивирует людей производить сравнение с теми, кто несколько нас опережает (восходящее сравнение). Напротив, другая группа исследователей обнаружила, что, поднятию собственной самооценки более способствует сравнение с теми, кто похож на нас, но находится в менее привилегированном положении (нисходящее сравнение).

Интересным является то, что как и большинство других внутри-межгрупповых феноменов, социальное сравнение также не всегда рационально и логично, во многих случаях оно основано на иррациональных и предвзятых установках (Гоеталс, Клейн, 1974). Более того, наряду со сравнением, основанным на реальной информации, существует также сконструированное социальное сравнение, основанное на предполагаемых характеристиках о других людях, а также на догадках, рационализации и различных спекуляциях [9].

Исследования последствий неопределенности на изменение личной и социальной идентичностей, возникновение новой системы социальных когний и репрезентаций, призванных поддержать хотя бы статус-кво группы вследствие реорганизации социальной структуры, экономической и политической нестабильности представляет особую важность для обществ, подвергшихся глобальным макро-трансформациям. Утрата чувства предсказуемости, стабильности и контроля над своей жизнью является одним из самых пагубных последствий социальной аномии. Как отмечает Бауман, для людей, уверенных, в своей способности изменять положение вещей, прогресс – это аксиома. Однако, если человек перестает ощущать свою причастность к прогрессу, его действия в настоящем также теряют свою значимость (Бауман, 2008).

Принимая во внимание тот факт, что потребность в предсказуемости и контроля над своей жизнью является фундаментальной общечеловеческой потребностью и, следовательно, в любом обществе люди будут стремиться к ее удовлетворению, сам процесс и последствия ее удовлетворения будут варьироваться в зависимости от социальных и индивидуальных факторов. Как показывают различные лабораторные исследования, данная потребность определяется во-первых, мотивом сохранения статуса-кво социальной идентичности, и во-вторых, сложившейся внешней ситуацией, и соответственно, чем неопределенней и угрожающей является внешняя ситуация, тем больше будет возрастать стремление к поддержанию статуса-кво своей социальной идентичности.

Потребность в уменьшении неопределенности может заставить людей присоединиться к различным авторитарным или девиантным группам или сохранять существующий, в том числе нежелательный для группы статус, а также проявлять высокую степень внутригрупповой сплоченности [6].

На мой взгляд, наиболее опасными и нежелательными последствиями потребности в сохранении статуса-кво социальной идентичности являются такие известные социально-психологические феномены, как искаженное восприятие справедливости и своего непривилегированного положения, оправдание сложившейся социальной структуры, институциональная лояльность, легализация своего статуса, фатализм и сопротивление к изменениям.

Подробный анализ данных феноменов заслуживает особого внимания, поскольку может помочь лучше понять социальные последствия потребности в сохранении статуса-кво и рационализации своих убеждений, ценностей и поведения, апатию и отсутствие активно выраженного стремления к социальным изменениям в нашем обществе. Сохранение статуса-кво своей социальной идентичности является проявлением такого социально-психологического явления как «искаженное восприятие», что подразумевает сохранение неправильных, ложных и, в определенной мере, дискриминационных представлений, которые: 1) находятся в противоречии с собственными представлениями о себе, 2) продолжают воспроизводиться в виду непривилегированности носителей данной социальной идентичности и ограниченности ресурсов для изменения ситуации [3].

Обнаружение феномена «искаженного восприятия» в целом явилось результатом развития концепции Маркса и Энгельса об идеологическом доминировании привилегированных социальных групп через институты образования, религии, экономики, масс-медиа (Леви, 1982; Вуд, 1988), в результате чего помимо объективной экономической эксплуатации и равному доступу к социальным благам, происходят также определенные изменения на когнитивном уровне непривилегированных и дискриминируемых групп, а именно группы начинают воспринимать искаженно кем они являются в настоящем и кем могут быть. Однако взгляды Маркса относительно возможности эксплуатируемых осознавать свое положение и принимать соответствующие действия с социально-психологической точки зрения являются слишком оптимистичными. С точки зрения таких известных социологов и политологов как Габел (1975), Грамши (1971), Маркузе (1964) Маркс недооценил социально-психологических механизмов, позволяющих людям долгое время адаптироваться к политической системе, которая их эксплуатирует. И феномен «искаженного восприятия» является одним из них. И, на наш взгляд, данный феномен, может внести свою лепту в анализ относительной политической и социальной апатии армян-

ского общества, отсутствии радикальных социальных движений и распространении альтернативных стратегий совладания со сложившейся неблагоприятной для индивида или группы ситуации, например, миграции.

Итак, каковы же последствия подобных когнитивных, каким образом они влияют на самокатегоризацию и представления об идентичности своей группы. Профессор Йельского университета Дж. Джост выделяет семь таких нежелательных последствий:

1. Феномен так называемого искаженного восприятия справедливости выражается в тенденции воспринимать ситуацию как справедливую, даже если существуют неопровержимые объективные доказательства обратно и в парадоксальной на первый взгляд тенденции социальных групп, находящихся в непривилегированном положении в обществе, в частности, экономическом, воспринимать существующий порядок как справедливый и логичный. За данной, парадоксальной на первый взгляд, тенденцией, стоит именно мотивация в сохранении статуса-кво своей социальной идентичности, определенный контроль ситуации и поддержания существующего положения сложившейся ситуации. В тоже время, именно данный механизм ведет к лояльности по отношению к существующим социальным институтам и политическим лидерам и уменьшению вероятности возникновения социальных движений и политической активности, в целом.

2. Феномен искаженного восприятия своего непривилегированного положения в обществе. Также как люди зачастую отказываются видеть несправедливость в обществе, в котором живут, также очень часто не воспринимается и собственное непривилегированное положение и относительная либо абсолютная депривация своей группы. Отрицание своего невыгодного положения может привести к конформности и адаптивному к казалось бы очевидно неблагоприятным обстоятельствам, которые при других обстоятельствах казались бы невыносимыми. Данный феномен в социальной психологии известен под названием «парадоксальная удовлетворенность». Независимо от того какую базу имеет отрицание непривилегированности своей группы – мотивационную или когнитивную, оно «задерживает» возможность возникновения социальных движений и политического протеста. Фактически, если люди по каким-либо причинам не видят своей непривилегированности и маргинальности, их вовлеченность в политическую и социальную деятельность, направленную на изменения сложившейся ситуации будет минимальной. Более того, как показывают различные социально-психологические эксперименты, даже если отдельные индивиды будут осознавать свое невыгодное положение, они не будут предпринимать каких-либо активных действий до тех пор, пока будут воспринимать, что все члены их группы находятся в такой ситуации. Одним из объяснений такого, казалось бы парадоксального поведения, по мнению представителей теории социальной идентичности является компенсирование низко-статусных

групп непривилегированного положения путем игнорирования или реинтерпретации своего объективного статуса и объективных статусных различий между группами, очевидно неблагоприятных для них.

3. Распространение фатализма может выражаться в виде различных иррациональных коллективных стратегиях, таких как 1) коллективная уверенность в тщетности и бесполезности социального протеста, в распространении так называемого «фаталистического пессимизма»; 2) плюралистические заблуждение и интерпретация молчания других, как знак удовлетворенности существующим положением и боязнь озвучивания собственной неудовлетворенности (Джост, 1995).

4. Оправдание существующего распределения социальных ролей. Естественно данная стратегия более выгодна привилегированным и высокостатусным группам, однако, что является парадоксальным, зачастую она также интернализируется низкостатусными группами и существующая социальная стратификация начинает восприниматься как легитимная и справедливая. Успех соответственно начинает концептуализироваться как детерминированный некими внутренними характеристиками, будь то ум, трудолюбие, образование или проворность, авантюризм, а невыгодное социально-экономическое положение как результат некомпетентности и неэффективности.

5. Распространение искаженных обвинений, чаще всего перерастающих в самообвинения. Данная стратегия несколько похожа на предыдущую и выражается в приписывании обвинительных и самоуничижительных атрибуций по отношению к себе и своей группе в сложившейся невыгодной для группы ситуации. Социальные психологи Лернер (1980), Миллер и Портер (1983), Джаноф-Булман (1992) объясняют этот феномен все той же универсальной потребностью реально или хотя бы иллюзорно контролировать ситуацию, в которой мы находимся, вплоть до принятия ответственности за свою социальную маргинализацию. Так, например, очень часто жертвы физического или сексуального насилия начинают обвинять себя в случившемся или человек, внезапно потерявший работу пытается найти объяснения в своем поведении, предшествующем увольнению (Джост, 1995). Последствия таких когний и, соответственно, поведения крайне нежелательны не только с социально-психологической точки зрения, но и с политической, поскольку практически исключают возможность идентификации настоящего источника их неблагоприятного состояния.

6. Наконец, сопротивление к изменениям. Результатом вышеперечисленных стратегий неизбежно является распространение так называемого когнитивного консерватизма [7], выражающегося в сопротивлении к каким-либо макро изменениям и поддержание статуса-кво не только своей социальной идентичности, но и всей социальной системы.

Необходимо также учитывать, что когнитивный консерватизм неразрывно связан с поведенческим консерватизмом, выражающемся в применении поведенческих паттернов, которые были эффективны и продуктивны в прошлом.

***Стратегия в поддержании/развитии
позитивной социальной идентичности***

Если ситуации нестабильности и неопределенности скорее всего приведут к активизации потребности в сохранении статуса-кво социальной идентичности, то можно заключить, что в ситуациях относительной стабильности доминирующей станет конкуренция за позитивную идентичность (Тернер, 1975). Данная стратегия будет проявляться в поддержании или увеличении внутригрупповой позитивной идентичности и межгрупповых отличий в пользу идентичности своей группы (Таджфел, 1974). Как отмечает Тернер, «потребность в позитивной Я-концепции является одной из фундаментальных человеческих потребностей и наиболее простым способом может быть удовлетворена через позитивное оценивание своей группы». Исходя из этого, можно сказать, что сильная социальная идентичность является продуктом слабой личностной идентичности, и наоборот, потребность в сильной социальной идентичности уменьшается с возрастанием позитивного оценивания себя с позиций персональной идентичности, поскольку первичной функцией обеих является удовлетворение потребности в позитивном восприятии себя. Позитивное оценивание себя с точки зрения личностной идентичности парадоксальным образом обнаруживается также в случае высокой конформности индивида и высоком уровне интериоризации групповых норм. Ощущение, что индивид в большей степени, чем другие члены группы принимает и подчиняется групповым нормам повышает вероятность позитивного оценивания своей Я-концепции и стимулирует чувство превосходства над другими [11]. Так называемая гипотеза самооценки в теории социальной идентичности была развита позднее Абрамсом и Хоггом в 1988 г., которые доказали, что: 1) наличие низкой индивидуальной самооценки мотивирует людей более идентифицироваться со своей группой, 2) социальная идентификация повышает самооценку.

На мой взгляд, проблема конструирования позитивной социальной идентичности в частности в обществах, где социальная структура подверглась глобальным трансформациям, что несомненно является актуальным и для современного армянского общества, должна быть рассмотрена во взаимоотношении с другими тремя важными социально-психологическими характеристиками группы: 1) статусно-структурной позицией группы, 2) коллективной самооценкой социальных групп, 2) возможностями самореализации для носителей различных социальных идентичностей.

Социальный статус группы неизбежно влияет на то, как индивид определяет себя с точки зрения социальной и персональной идентичностей. Группы, имеющие высокий социальный статус воспринимают себя больше как собрание индивидов, тогда как непривилегированные группы в большей мере воспринимают себя как «агрегат субъектов, разделяющих определенные сходные характеристики» [11, р. 214]. Члены доминантной группы проявляют тенденцию определять себя в большей степени на основе личностных характеристик и более склонны к восприятию внутригрупповой индивидуации и дифференциации, тогда как члены недоминантной группы определяют свою Я-концепцию преимущественно с позиций социальных характеристик и акцентируют свою принадлежность к группе. Кроме того, социальными психологами доказано также существование тенденции воспринимать свою группу как более сложную и гетерогенную, а аутгруппы как гомогенные и менее разнообразные по своим характеристикам, что естественно является причиной возникновения многочисленных стереотипов по отношению к аут-группам (Муллен, Гус, 1989). Также наблюдается тенденция воспринимать свою группу как более гомогенную с точки зрения тех атрибутов и черт, которые являются основными характеристиками или так называемыми маркерами социальной идентичности данной группы (Леенц, Шадрон, 1994). Однако, здесь, на мой взгляд, необходимы некоторые уточнения. Во-первых, если атрибуты, характеризующие группу негативны, то вряд ли будет наблюдаться подобная генерализация и восприятие гомогенности. Во-вторых, поскольку, как уже отмечалось, в подавляющем большинстве социальная идентичность группы воспринимается предвзято с точки зрения группы, то гомогенность будет наблюдаться именно в отношении позитивных атрибутов группы.

Таджфел, пытаясь интегрировать психологические внутригрупповые механизмы с макро-социальной реальностью, а именно стратифицированием групп по доступности власти, благосостояния и статуса, проводил деление групп на «социально застрахованные» и «социально незастрахованные». И если представители первых не видят и не хотят видеть «когнитивных альтернатив» для изменения статуса-кво, поскольку их социальная идентичность относительно стабильна и не нуждается в переосмыслении, то члены второй группы постоянно вовлечены в процесс социального сравнения в поисках альтернатив для формирования/поддержания позитивной социальной идентичности [13]. На мой взгляд, распространение подобных социально-психологических законов на анализ макро процессов может помочь в более глубинном понимании, например, трансформации этнической идентичности малочисленных этносов и обществ, переживающих кризисные периоды. Так, например, учет фактора «когнитивных альтернатив» как адаптивной стратегии, позволяющей группе справиться с неблагоприятной для нее ситуацией, с одной стороны,

и факта сегодняшнего непривилегированного положения армян в геополитической, экономической, культурной сферах, с другой, может также объяснить стремление к поиску исторических событий, высвечивающих армян исключительной с позитивной точки зрения.

Итак, поскольку восприятие своей социальной идентичности как непривилегированной и неангажированной вызывает определенный когнитивный диссонанс у представителей низко-статусных групп, соответственно представители этих групп должны применять определенные защитные механизмы для акцентирования позитивных аспектов своей социальной идентичности. В свою очередь выбор стратегии для поддержания позитивной социальной идентичности будет определяться субъективным восприятием характера межгрупповых взаимоотношений или структурой групповых убеждений относительно: 1) статуса группы, 2) стабильности статусных взаимоотношений, 3) легитимности статусных взаимоотношений, 4) проницаемости межгрупповых границ или возможности менять группу. Применение данных стратегий для анализа межгрупповых взаимоотношений между различными социальными группами в армянском обществе может помочь объяснить появление и распространение разнообразных ауто и гетеро стереотипов, защитных атрибуций, а также проследить динамику самого процесса социального сравнения.

К таким механизмам и стратегиям относятся следующие:

1. Стратегия символической индивидуальной мобильности. Для сохранения позитивной социальной идентичности, низко-статусные группы зачастую применяют стратегию так называемой символической индивидуальной мобильности, что подразумевает адаптирование и применение атрибутов, характерных для высоко-статусных групп [11].

2. Применение стратегии когнитивной креативности. Данная стратегия подразумевает восприятие доминантной группы как превосходящей по таким характеристикам как компетентность и профессионализм, а восприятие своей группы как превосходящей по характеристикам социальности и экспрессивности (Зебрович, 1990, Смит, Бонд, 1993).

3. Применение стратегии «когнитивных альтернатив», т.е. формирование и распространение таких позитивных коллективных представлений о своих прошлой и будущей групповых Я-концепциях, которые позволили бы воспринимать свою негативно окрашенную актуальную Я-концепцию как нечто преходящее и временное (например, мы первая нация, принявшая христианство, мы самая древняя нация, и т.д.). На мой взгляд, как конструирование и фокусирование конкретных позитивных аспектов, так и выбор в пользу либо прошлой, либо будущей Я-концепций также зависит от групповых характеристик (статус, тип лидерства, доминирующие групповые ценности и т.д.), так и от представлений о будущем своей группы в целом. Так, если будущее представляется неопределен-

ным, хаотичным или напротив определенным, но негативно окрашенным, то скорее всего в качестве своей «когнитивной альтернативы» группа выберет фокусирование на прошлой Я-концепции, особенно если эта Я-концепция очевидно выигрывает в сравнении с прошлыми Я-концепциями других групп.

4. Реинтерпретация характеристик своей группы. Данная стратегия включает либо реинтерпретацию характеристик своей группы в пользу их схожести с более высокостатусными группами, либо такую реинтерпретацию, которая делает характеристики низко-статусной группы отличными от высокостатусной, но не низшими или худшими.

5. Поиск и выбор новых аут-групп, сравнение с которыми будет высвечивать группу в более благоприятном для нее образе. В частности данная стратегия будет проявляться в избегании, либо полном игнорировании для сравнения высокостатусных и привилегированных групп.

6. И наконец, формирование новых групповых характеристик, которые призваны повысить позитивное отношение группы к самой себе (Таджфел, 1978). Согласно Таджфелу применение данной стратегии необходимо рассматривать во взаимосвязи с такими дополнительными параметрами группы, как легитимность и стабильность статуса. Так, низкостатусные группы более склонны применять данную стратегию в условиях легитимности, признанности и стабильности стратификации, и, следовательно, их собственного статуса. Напротив, использование данной стратегии более обосновано для высокостатусных групп, когда легитимность и стабильность их статуса подвергается сомнению. Так, например, исследования, проведенные Каддиком наглядно демонстрируют тенденцию интернализации новых внутригрупповых характеристик высокостатусных групп в условиях, когда последние ответственны за нелегитимность характеристик социального сравнения, фактически ими самими же и выработанными. В данных условиях высокостатусные группы начинают вырабатывать новые характеристики, позволяющие им поддерживать свою позитивную Я-концепцию и минимизировать представления о себе как несправедливых, неэтичных, эксплуататорах и т.д. (например, вырабатывают такие внутригрупповые характеристики, как занятие благотворительностью). И что интересно, принимая во внимание факт конструирования более позитивного Я-образа при большем подчинении внутригрупповым нормам, фактически, данную стратегию будут более всего применять лица, занимающие наиболее высокий статус в иерархии высокостатусной группы. Другой интересной особенностью данной стратегии является то, что формирование новых характеристик группы, социальная идентичность которой подвергается угрозе, может способствовать внутригрупповой сплоченности и внутригрупповому фаворитизму, с одной стороны, и большей дискриминации по отношению к другим группам, с другой. Вы-

бор же новых характеристик для сравнения с другими группами в свою пользу будет, естественно, зависеть, в-первую очередь, от знаний, умений, а также ценностей и имеющихся ресурсов. Однако, здесь необходимо подчеркнуть один важный аспект, сопровождающий формирование таких характеристик группы, позволяющими выглядеть в благоприятном для нее виде. Естественно группа будет нацелена на выбор таких характеристик, которые в когнитивном плане легче всего доступны и более других будут приняты большинством, однако сам факт того, что группа как бы идет на компромисс сама с собой, не могут не вызывать группового когнитивного диссонанса, чувства неуверенности и неэффективности собственной группы. Этот феномен отчетливо проявляется, например, на характеристиках этнической идентичности армян. Так, постоянное апеллирование к позитивным и высвечивающим армян исключительно в благоприятном для нас же самих свете, таким как «первая нация, принявшая христианство» с социально-психологической точки зрения являются механизмами формирования характеристик, позволяющих сконструировать/повысить позитивное отношение к самим себе. Однако, в тоже время, понимание того, что эти характеристики, хоть и являются позитивными аспектами нашей этнической идентичности, тем не менее относятся к «прошлому Я-образу», не может не вызывать когнитивного диссонанса по поводу позитивных и «конкурентоспособных» характеристик «настоящего Я-образа» армян.

Таким образом, основываясь на анализе вышеперечисленных стратегий и социально-психологических механизмов, лежащих в основе формирования и развития социальной идентичности, можно заключить, что определенный тип социальной структуры будет активизировать определенный тип социальной идентичности, с характерными для нее защитными и адаптивными стратегиями. Естественно изучение доминирующей в современном армянском обществе социальной идентичности требует широкомасштабных социологических и социально-психологических исследований и в данной статье была проделана попытка осмысления данных процессов на теоретическом уровне. Прделанный теоретический анализ тем не менее позволяет заключить, что сегодня в нашем обществе доминирующими являются стратегия сохранения статуса-кво своей социальной идентичности и стратегия поддержания/развития позитивной социальной идентичности.

Литература (References)

1. *Barone D., Maddux J., Snyder C.* Social Cognitive Psychology: History and Current Domains. New York: Plenum, 1997.
2. *Fiske S., Taylor S.* Social Cognition: From Brains to Culture. Boston: McGraw-Hill, 2007.

3. Identity and Social Change / Ed. by Davis J. New Jersey: Transaction Publishers, 2000.
4. *Jost J.* Negative Illusions: Conceptual Clarification and Psychological Evidence Concerning False Consciousness // Political Psychology. Vol. 16. 1995. № 2.
5. *Kunda Z.* Social cognition: Making Sense of People. Cambridge, Ma: MIT Press, 1999.
6. *Moskowitz G.* Social Cognition: Understanding Self and Others. New York: Guilford, 2005.
7. *Nisbett R., Ross L.* Human Inference: Strategies and Shortcomings of Social Judgment. Englewood Cliffs, N.J.: Prentice-Hall, 1980.
8. *Outhwaite W., Ray L.* Social Theory and Postcommunism. Blackwell Publishing, 2005.
9. Social Comparison: Contemporary Theory and Research / Ed. by J. Suls and T.A. Wills. New Jersey. London: Lawrence Erlbaum Associates, Publishers, 1991.
10. Social Groups and Identities: Developing the Legacy of Henri Tajfel / Ed. by W. Peter Robinson. Butterworth Heinemann, 1996.
11. Social Identity: International Perspectives / Ed by S. Worchel, J. Morales, D. Paez, J. Deschamps. Sage Publications, 1998.
12. Studies in Social Identity / Ed. by Theodore R. Serbin and K. Sheila, Praeger Publ, 1983.
13. The Psychology of the Social Self / Ed. by T. Tyler, R. Kramer, O. John. London: Lawrence Elbaum Associates, 1999.
14. The Social Self / Ed. by D. Bakhurst amd Ch. Sypnowich. Sage Publication, 1995.